

страноведческий анализ используется впервые для экклезионимного материала, существует ряд спорных вопросов. Например, критерии отбора единиц для исследования.

Описанные нами в работе экклезионимы представляют собой поликомпонентные образования, содержащие в своём составе апеллятив (*монастырь, костёл* и т.д.) и проприальную часть, отличающую один объект от другого. Все названия содержат прилагательное, указывающее на место расположения религиозного сооружения, т.к. они именуют не просто храм, а туристический объект, что требует других законов номинации.

На наш взгляд, перспективность лингвострановедческого анализа экклезионимов состоит в привлечении внимания исследователей и обычных людей к наименованиям религиозных объектов Республики Беларусь, а через них – к культуре нашей страны.

Литература

1. Аникина, М. Н. Лингвострановедческий анализ русских антропонимов (личное имя, отчество, фамилия) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. Н. Аникина ; Ун-т дружбы народов им. Патриса Лумумбы. – М., 1988. – 14 с.
2. Верещагин, Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров ; под ред. Е. М. Верещагина. – М. : Русский язык, 1983. – 269 с.
3. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи / В. Г. Костомаров. – СПб., 1999. – 319 с.

С.А. Мызников

Институт лингвистических исследований Российской академии наук

e-mail: myznikovs@rambler.ru

УДК 800.87

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ ПРОЗВИЩНЫХ ЭТНОНИМОВ В РУССКИХ ГОВОРАХ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

Ключевые слова: *экзоэтноним, этноним, эндоэтноним, этнофолизм, прозвище.*

В данной работе анализируются некоторые прозвищные этнонимы, зафиксированные в русских говорах Северо-Запада.

S.A. Mysnikov

Institute of Linguistic Research Russian Academy of Sciences

ON THE ORIGIN OF SOME LUMINOUS ETHNOMONS IN RUSSIAN SKILLS OF THE NORTHWEST OF RUSSIA

Key words: *exoethnonym, ethnonym, endoethnonym, etnofolizm, nickname.*

In this paper, some of the nicknames of ethnonyms, recorded in the Russian dialects of the North-West, are analyzed.

Материалом исследования послужили этнические прозвища, извлечённые из русских диалектных лексикографических источников, входящих в перечень источников «Словаря русских народных говоров». Если в общенародном языке прозвищные этнонимы отражают распространённые в обществе стереотипы [5, 3] и нередко играют важную роль в процессе межкультурной коммуникации, то в современном диалектном дискурсе такого рода единицы фиксируются весьма редко. Кроме того, большая часть

собранных данных относится непосредственно к зонам языковых контактов русских с карелами, весами, коми.

Прозвищный этноним традиционно рассматривается как разновидность коллективного прозвища, неофициального наименования какой-либо этнической общности. Причем достаточно часто эта единица может содержать указание на некоторые характеризующие данную общность признаки. Когда речь идет о прозвищных этнонимах, несомненна их диалектная характеристика, нередко узко локальное бытование. В большинстве случаев эти единицы имеют явную негативную коннотацию, причем должен иметься нормативный этноним, который противопоставлен прозвищному, бытующий в живом устном общении. Довольно часто эти единицы представляют собой экзоэтнонимы, поскольку в настоящее время для нормативного этнонима у большинства народов Северо-Запада принято самоназвание (эндоэтноним). В прошлом имела также большое значение принадлежность к определенной губернии, например:

Олончане 'жители Олонецкой губернии' – *У нас слова-то разные есть, плохо говорим. И не вепсы, не карелы, да и по-русски говорим неправильно. Вот и говорят у нас: «Мы олончане, пришивные головы».* Подпорож. Ленингр. [СРГК, 4, 354].

По типологии В.А. Флоровской, дифференцирующей прозвища на кубанских материалах, выделяются следующие типические признаки:

1. Внешний вид. 2. По принципу контраста. 3. Черты характера, особенности поведения, привычки. 4. Особенности произношения. 5. Прозвища, образованные от имен и фамилий. 6. Специальность и характер деятельности. 7. Наличие того или иного физического недостатка. 8. Место жительства. 9. Семейные отношения; порядок и место рождения [4, 145].

Для народов, населяющих северо-западную часть России, наряду с нормативными этнонимами карелы, вепсы саамы, финны имеют также диалектные наименования. Мотивация прозвищных этнонимов большей частью базируется на некоторых характерных звукокомплексах, которые рецептируются носителями языка, не входящими в этническую группу. Эти единицы являются своего рода экзоэтнонимами, которые преимущественно в контексте как вепского, карельского языка и т.д., так и русских говоров следует рассматривать как этнофолизмы.

Ка'йки 'насмешливое прозвище вепсов' Лодейноп. [Куликовский]. Лодейноп., Оят. [КСРНГ]. **Ка'йка** Лодейноп. [СРНГ, 12, 325]. **Ка'йка** 'бранное слово' – *Ой ты, пьяная кайка.* Каргоп. [Слов. Акад., 1906–1907]. 'Неряшливый, нечистоплотный человек' – *Худой у них обиход, поэтому кайкой звали.* Каргоп. [СРГК, 2, 315]. **Кайки** 'гибель, конец' – *Ну, брат, отцу кайки!* Петрозав. [Куликовский]. Сев.-Двин., Новг. [СРНГ, 12, 324]. Слово возводилось к фин. *kaiki* 'все', причем при возможности народной этимологии ввиду созвучия весь 'целый' и весь 'вепсы' [Фасмер, 2, 161]. На наш взгляд, вряд ли это соответствует действительности, поскольку смежное русское население в современный период времени так вепсов не называет. Скорее всего, такое прозвище вепсов возникло вследствие большой частотности в речи вепсов и карел слов вепс. *kaik* 'весь, все', *kaika* 'постоянно, всегда, все время' [СВЯ, 168, 169], кар. *kaikki* 'весь, все' [KKS, 2, 9], при фин. *kaikki*, люд. *kaik*, водск. *këikki*, эст. *kõik* 'весь, все'. Из финского языка слово проникло в саамские диалекты, ср. саам. швед. *kaik*, *kaika*, норв. *gâih*, *gâik* 'все, везде'. Причем авторы SKES, хотя и с сомнением, но предполагают балтийский источник прибалтийско-финского слова: литов. *kiek* 'как много, сколько', *kiekas* 'как много', *kieka* 'число, мера', латыш. *sik*, *sek* 'сколько?' [SKES, 141; SSAP, 275].

Еще одна сходная единица: **Са'найлы** 'насмешливое прозвище карел' Повенец. Олон. [Куликовский]. М. Фасмер предполагает, что источник фин. *sanoa* 'говорить' [Фасмер, 3, 555]. Более вероятно в качестве источника рассматривать кар. *sanailija* 'спорщик' [Суоярви], *sanailii* 'то же' [Сямозеро] [KKS, 5, 279], при глагольной основе –

кар. *sanella* 'болтать, говорить, разговаривать', при люд. *sanelda* 'рассказывать, болтать' [SKES, 964, 965].

Кайва'ны 'дореволюционное время – презрительное прозвище карелов и чуди' – *Кайваны в Олонец не бывали*. [Даль, Пословицы]. Олон. [Куликовский]. **Кайва'ны** 'насмешливое прозвище вепсов' Тихв. Новг., 1895. Капш., Оят. Ленингр. [СРНГ, 12, 324]. 'О здоровом, толстом, пухлом ребенке' – *Ах ты, кайван ты мой эдакий!* Вытегор. Олон. [Слов. Акад. 1906-1907]. «О взрослых детях» Вытегор. Олон. [Слов. Акад. 1906-1907]. **Кайва'н** 'карел' Подпорож. [КСРГК]. Кайва'ны 'прозвище жителей д. Нижмозеро' Онеж. [КСРГК]. **Кайва'н** 'пренебрежительно – вепс' Вытегор. Волог. [ПЛГО]. **Кайва'нка** 'женщина вепс' Подпорож. [СРГК, 2, 315]. **Кайва'нить** 'говорить по-карельски' Лодейноп. Олон. [Куликовский]. **Кайва'нский** 'вепсский' – В кайванских деревнях женщины и дети вовсе не знают русского языка. Тихв. Новг., 1895 [СРНГ, 12, 324]. 'Карельский' Подпорож. [СРГК, 2, 315]. 'Населенный карелыми' Лодейноп. [СРГК, 2, 315]. **Кайбан** 'вепс' Бабаев. [Куштозеро] [1, 106]. Не ясно, имеет ли отношение к этому наименованию **кве'ни, кве'ны** «населяющее некоторые местности в Кемском уезде пришлое племя, помесь норвежцев и финнов» Кем. [Подвысоцкий, 64]. См. также СРНГ, 13, 166. Авторы SKES полагают, что фин. *Kainuu* 'название, которое одновременно обозначает прибрежные части в северной Приботнии' саам. швед. *kainolats, kainohaljo* 'швед или норвежец'; причем из финского слово распространилось на запад, ср. др.-норв., исланд. *Kvenner, Kvæmir*, обозначающих название северного скандинавского народа, вероятно 'финнов', др.-норв. *kvæn* 'финн' [SKES, 143]. М. Фасмер сближает др.-сканд. с англ.-сакс. *Swēnas*, происшедших из фин. *kainulainen* 'житель равнин' путем народноэтимологического сближения с гот. *qēns* 'женщина'.

В ряде случаев фиксации некоторых коллективных прозвищ можно соотнести с определенными этническими группами, хотя собирателями это не отмечалось. Так, например: **Хе'льмины** 'прозвище жителей Шимозера' Лодейноп., которое зафиксировал Г.И. Куликовский [Куликовский], явно соотносятся с вепским этносом исходя из ареала бытования единицы. Слово возможно сопоставить с прибалтийско-финским материалом, ср. фин. *hölmö, hölmä*, кар. *hölmö, h'ölm'ö*, ливв. *hölmöi*, люд. *hölväk* 'дурак, болван, бестолочь' [SKES, 100]. В Шимозере до конца 40-х гг. XX века проживали вепсы. Ср. также кар. твер. *h'ölm'ö* 'то же' [KKS, 1, 405]. Вполне возможно, что данная единица также является своеобразным экзоэтнонимом.

У саамов имелся ранее, вероятно первоначально, экзоэтноним, ныне функционирующий и как эндоэтноним: **лопа'рь**, мн. **лопари'** 'прежнее название народности саамы' [БАС, 6]. **Лопарь** 'не уважающий христианскую религию, нехристь' Тихв. Новг., 1852. [СРНГ, 17, 131]. **Лопари'** 'саамы' Кандалакш. [Меркурьев, 1979, 82]. 'О коренных русских жителях Мурманской области' Кандалакш., Ловозер. [Поной] [Меркурьев, 1979, 82]. **Лопар'** 'саам' Кем. **Лопарка** 'саамка' [СРГК, 3, 147]. **Лопари'** проклятые 'бранное выражение' Пинеж. [Хаймусово, Чучепога, Козлово]. Холмог. [Горка, Леуново] [Сими́на]. **Ло'пин** 'саам': – *У их отец был лопин*. **Кандалакша**. Ло'пка 'саамка': – В ярах и лопки ходили. Кандалакша [Меркурьев, 1997, 74]. Единица **лопарь** отмечается в общенародных словарях с начала XIX века, впервые встречается у С. Герберштейна [1526 г.]. М. Фасмер предполагает происхождение из фин. *lappi* 'Лапландия, сев. провинция с кочевым населением' [Фасмер, 2, 520]. В то же время лексема **лопарь'саам'**, 'неверующий, еретик' трактуется как заимствование из швед. *lappar* [мн.] от *lapp* 'саам' от фин. *lappi* 'Лапландия', *lappalainen* 'лапландец, лопарь' [Фасмер, 2, 518]; ср. также др.-швед. *lapper*, др.-норв. *lappir* 'употребительно в качестве старого названия саамов' [SKES, 277].

В ряде случаев в русских говорах фиксировалось общее наименование для саамов и карел.

Аю'кла «бранное прозвище лапландца или карела; «уродина, пугало, в которого, впрочем, иные верят, как в лешего» Арх. [Даль]. **Аю'кла** «[по всему вероятно, слово лопарское или корельское] – воображаемое суеверами пугало в роде лешего [по поверью между лопарями и корелами]; этим же словом, в виде ругательства, обзывают русские крестьяне лопарей и корелов, которых, особенно последних, подозревают в сношениях с нечистой силой» Кем., Кольск. [Подвысоцкий, 2]. Сопоставляется с фин. *äjiä* 'дед', 'старик', 'хозяин', 'медведь', эст. *äi*, *vana äijo* 'черт', 'бес', саам. **äjjē* 'дед, дедушка, старик', колт. *äjj*, кильд. *ā'jj*, саам. терск. *ajje*, инар. *ajjih* 'дед', 'гром'; конечное -ла или из фин. отыменного суф. -ло, либо появилось на рус. почве, ср. страшила [-ло] [МСФУСЗ, 1, 30]. Однако трудно сказать, на саамской или на карельской почве следует рассматривать данное слово, вряд ли оно связано с саам. лул. *ahkōv* 'внук' [SKES, 13], кар. *kehvel'i* 'чёрт, чертяка [бранное слово]', *kehvel'in kehvel'i* 'дьявол' [ССКГК, 726]. Фонетически весьма близко кар. *Huikkul'a* 'мифологическое место, куда посылали, если не угадал загадку' [ССКГК, 111].

В отношении финнов фиксируется несколько коллективных прозвищ.

Ве'йка 'финн': «Словом этим в окрестных с Остзейскими губерниями местах русские мужики именуют маймистов» [Бурнашев; СРНГ, 4, 98]. 'Извозчик финн, промышлявший в Петербурге во время масленичных гуляний' Петерб. [Даль; Слов. Акад. 1951; СРНГ, 4, 98]. **Ве'йко** «кучер-эстонец, работающий только на масленицу» Петерб. «Вейками в старом Петербурге называли кучеров, происходивших из крестьян подгородних финских деревень, преимущественно расположенных на Карельском перешейке. Они приезжали на заработки только в течение масляной недели на своих легких санках, запряженных небольшими лошадами с особенно мохнатой гривой. **Вейки** катали всех желающих из публики за недорогую плату в любой район города. Катание на вейках продолжалось до так называемого Прощеного воскресения. С ударом колокола к вечеру в этот день все катания прекращались и начинался Великий пост. Поскольку Масленичное катание с 1930-х годов полностью прекратилось, постольку и слово вейка осталось как историзм, характерный для языка Петербурга» [3, 145].

Предлагается финская этимология, ср. фин. *veikko* 'брат' [6, 84; Фасмер, 1, 286]. Мещерский обращает внимание на шутивно-ласкательный характер слова, употребляемого как обращение [3, 145].

Ма'ймист 'прозвище финна' Пинеж. Арх., 1878 [Слов. Акад. 1927; СРНГ, 17, 304]. **Ма'ймист** Петерб. «прозвище чухон [от эй мойста не знаю, не понимаю?]]» Петерб. [Даль].

Имеются многочисленные фиксации в литературных источниках:

Ем я печеный картофель, как маймист [петербургское название чухон], и яйца всмятку, как Людовик XVIII. Вот мой обед [Пушкин А.С. Полное собрание сочинений с критикой. Переписка 1825].

Не мне судить о них; умничать – не мое – уже дело. Скажу вам только, что здесь полк Рафаэлов. Все немцы оделись Рафаэлами: отпустили себе волосы и надели черные бархатные шапки, черное полукафтанье и сандалие. На Рафаэла не похожи, а с головы на маймистов, что всего хуже; рисовать не умеют, ибо в Германии рисовать порядочно не учат [Батюшков К.Н. Сочинения в двух томах. Том второй. Из записных книжек. Письма].

Знаю, что сначала я ехал на тройке, потом сидел где-то на вышке [кажется, в трактире, в Третьем Парголове], и угощал проезжих маймистов водкой [Салтыков-Щедрин М.Е. Дневник провинциала в Петербурге].

«Ты кто?» – спрашиваешь мужика с дровами. «Мы здешние, мы маймисты», – отвечает он. Маймист – испорченное финское «ай муста»; оно значит «не понимаю» и перешло в название всего племени, населяющего окрестности столицы. Если посмотреть на этнографическую карту, то Петербург не более как Пиетари, главный

город южной Финляндии, русская колония на реке Неве. Живя веками среди **маймистов**, мы, петербуржцы, сами в некотором важном смысле становимся **маймистами**. «Ай муста!» становится нашим девизом в отношении коренной огромной России. Она лезет в Петербург с миллионом своих терзаний и довольно часто получает в ответ «ай муста!» [Меньшиков М.О. Выше свободы].

Но сторож, чухонец, не понимал слов его и только качал головою. Ваня сказал ему то же по-немецки. **Маймист** опять его не понял. Ваня не знал, что делать; он видел, что минуты были дороги, что одна скорая помощь могла спасти оледенелого ребёнка [Одоевский В.Ф. Сборник рассказов. Сказки. Детская Проза].

Слово **ма'ймист** 'финский крестьянин, прозвище финнов' отмечается с 1742 г. – Во оный флот для оного провъдывания с рыбою гъздить и маймистов посылать. Чувашей ни с кѣм лучше сравнить не можно, как с Маймистами. С сего времени начали появляться между гвардейскими офицерами чухонцы и в Сенатъ засъдаты маймисты. [СРЯ XVIII в., 12, 36-37]. Вряд ли корректна версия В.И. Даля, так же как и предположение М.О. Меньшикова – *Ай муста* 'не понимаю', поскольку буквальный перевод фин. *ei musta* – 'не помнит'. Кроме того, имеется вполне этимологически прозрачное фин. *maamies* 'крестьянин', при кар. *mnoamies* 'крестьянин': – *Muö olemmo toamiehet, emmo ole piitertšat emmogo l'innalazet* [Мы крестьяне, мы не питерские, не городские] [KKS, 3, 333]. Ранее казалась не вполне понятной распространение этого слова, по данным СРНГ, в пинежских говорах, однако фиксация этой единицы в литературных источниках предполагает возможность ее иррадиации вне зависимости от контактных зон.

Ср., например, употребление **маймист** у Д.К. Зеленина: *Косой пробор появился у русской молодежи лишь в середине XIX в. Старшее поколение русской деревни, которое стриглось по-русски в кружало или носило прямой пробор, вело с косым пробором ожесточенную борьбу. Говорили, что тот, кто носит косой пробор, человек неправедный, маймист [т. е. финн], «носить косой пробор – грех», однако мода сделала свое дело. Теперь прическа на косой пробор распространена среди восточных славян [2].*

Литература

1. Винокурова, И. Ю. Вепско-карельско-русские контакты в Бабаевском и Вытегорском районах Вологодской области (по данным народной демонологии) / И. Ю. Винокурова // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. – Петрозаводск, 2008. – Вып. 1. – С. 104–115.
2. Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. – М., 1991. – 507 с.
3. Мещерский, Н. А. Происхождение некоторых распространенных этнических апеллятивов в русской разговорной речи / Н. А. Мещерский // Севернорусские говоры. Межвузовский сборник ; отв. ред. А. С. Герд. – СПб. : Издательство С.-Петербургского университета, 1989. – Вып. 5. – С. 143–146.
4. Флоровская, В. А. Прозвища в русских говорах Кубани / В. А. Флоровская // Этнография имен : сб. статей ; отв. ред. В. А. Никонов, Г. Г. Стратанович. – М. : Наука, 1971. – С. 141–145.
5. Шен, Д. А. Этноним в лексико-семантическом пространстве английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Д. А. Шен ; Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н. А. Добролюбова. – Нижний Новгород, 2009. – 21 с.
6. Kalima, J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen / J. Kalima. – Helsingfors, 1915.

Сокращения источников

Бурнашев – Бурнашев, В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного / В. Бурнашев. – СПб., 1843–1844. – Т. 1–2.

- Даль – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – 2-е изд., испр. и значительно умноженное по рукописи автора. – М.; СПб., 1880–1882. – Т. 1–4.
- КСРГК – Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей».
- КСРНГ – Картотека «Словаря русских народных говоров».
- Куликовский – Куликовский, Г. И. Словарь областного олонекского наречия его бытовом и этнографическом применении / Г. И. Куликовский. – СПб., 1898.
- Меркурьев, 1979 – Меркурьев, И. С. Живая речь кольских поморов / И. С. Меркурьев. – Мурманск, 1979. – 184 с.
- МСФУСЗ – Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. – Вып. 1 (А–И) ; под ред. А. К. Матвеева. – Екатеринбург, 2004. – 142 с.
- НОС – Новгородский областной словарь ; отв. ред. В. П. Строгова. – Новгород, 1992–1995. – Вып. 1–12.
- Опыт – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. – СПб., 1852. – 275 с.
- ПЛГО – Полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях по русским говорам и финно-угорским языкам).
- Подвысоцкий – Подвысоцкий, А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / А. Подвысоцкий. – СПб., 1885.
- СВГ – Словарь вологодских говоров. – Вологда, 1983–2007. – Вып. 1–12.
- СВЯ – Словарь вепсского языка ; сост. М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. – Л., 1972.
- Сими́на – Словарная картотека пинежских говоров, дар Г. Я. Симиной Словарной картотеке ИРЯЗ [ныне картотека СРНГ, хранящаяся в ИЛИ РАН].
- СКЯМ – Словарь карельского языка [ливвиковский диалект] ; сост. Г. Н. Макаров. – Петрозаводск, 1990. – 495 с.
- СКЯП – Словарь карельского языка [тверские говоры] ; сост. А. В. Пунжина. – Петрозаводск, 1994. – 396 с.
- Слов. Акад. 1891–1920 – Словарь русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. Т. 1–41 и в выпусках, изд. 1891–1937.
- СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1975–2015. – Вып. 1–30.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей ; гл. ред. А. С. Герд. – СПб., 1994–2005. – Т. 1–6.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. – М.; Л.; СПб., 1965–2016. – Т. 1–49.
- СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. – Л.; СПб., 1984–2013. – Вып. 1–20.
- ССКГК – Федотова, В. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии / В. П. Федотова, Т. П. Бойко. – Петрозаводск, 2009. – 350 с.
- Фасмер – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. – М., 1964–1973. – 4 т.
- KKS – Karjalan kielen sanakirja. O. 1–6 // LSFU, XVI, 1–6. – Helsinki, 1968–2005.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. – Helsinki, 1955–1981.
- SSAP – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. – Helsinki, 1992–2000.